

А.Г. Еманов
Тюменский университет

«На краю Европы»: становление города на границе цивилизаций и культур*

Своеобразие положения Кафы невозможно понять без обращения к городскому праву. Памятники статутного законодательства Кафы не раз привлекали внимание исследователей¹, однако они, как правило, рассматривались как результат законотворчества Генуи, являвшейся сеньором крымского города-порта.

Вместе с тем нельзя не учитывать того обстоятельства, что статуты Кафы, несмотря на их издание в Генуе, являлись юридической формализацией естественно складывавшихся норм общения в местной среде, испытывая влияние греческих, армянских и иных ориентальных традиций обычного права. Уже самый ранний статут Кафы 1290 г.², сохранившийся лишь в виде контрадикторных, включал пункты, касавшиеся полномочий собраний городской общины, напоминающие о традициях самоуправления.

Статуты 1316 г., прежде всего *Ordo de Caffa* от 18 марта с пояснениями 22 и 26 марта, а также *Certus Ordo de Caffa* в составе 51 статьи от 30 августа³, возникли в результате кодификаторской деятельности комиссии юристов, работавшей предварительно по специальному поручению Оффиции Газарии в Кафе и других поселениях на Черном море. Поэтому многие статутные нормы должны быть интерпретированы как зафиксированный в писаном праве местный обычай; ряд статей должен истолковываться как обобщенная регистрация взаимных обязательств, произносившихся консулом и горожанами в так называемых *breve*.

Статут определял полномочия главы исполнительной власти — консула, который избирался в Генуе, но наделялся полномочиями в Кафе в собрании горожан; он обладал юридической квалификацией, порой был доктором права и выступал в роли судьи.

Александр Георгиевич Еманов, доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой истории Древнего мира и Средних веков Тюменского государственного университета. Сфера научных интересов — медиевистика, византистика, сравнительная история мировых цивилизаций доиндустриальной эпохи. E-mail: aemanov@utmn.ru

- * Исследование проведено при поддержке РГНФ (03-01-18079е). Начало см.: Европа: Международ. альманах. Тюмень, 2002. Вып. 2. С. 60–67; 2003. Вып. 3. С. 32–36; 2004. Вып. 4. С. 14–18.
- ¹ *Sauli L.* Della colonia dei genovesi in Galata. Torino, 1831. Vol. 1–2; *Da Canale M.G.* Nuova istoria della repubblica di Genova. Firenze, 1858–1864. Vol. 1–4; *Idem.* Della Crimea, del suo commercio e dei suoi dominatori. Genova, 1855. Vol. 1–3; *Polonio V.* L'amministrazione dela Res publica genovese fra Tre e Quattrocento. L'Archivio «Antico Comune». Genova, 1977; *Asutti G.* Le colonie genovesi del Mar Nero e i loro ordinamenti giuridici // *I genovesi nel Mar Nero durante i secoli XIII–XV.* Bucuresti, 1977; *Buongiorno M.* L'amministrazione genovese nella «Romania». Legislazione — magistrature — fisco. Genova, 1977; *Piergovanni V.* Gli statuti civili e criminali di Genova nel medioevo. Genova, 1980; *Balard M.* Caffa januensis civitas in extremo Europae // *Rivista di byzantinistica.* 1993. №3. P. 165–182.
- ² *Da Canale M.G.* Della Crimea, del suo commercio e dei suoi dominatori. Vol. 2. P. 227.
- ³ *Imposicio Officii Gazariae / A cura di L. Sauli // Historiae Patriae Monumenta.* Torino, 1838. T. 2. Col. 306–430.

Согласно кодификации 1316 г. сохранялось положение народного собрания как высшей законодательной инстанции; оно определяло дополнительные налоги на общие нужды, распоряжалось землями, решало вопросы водоснабжения, имевшие, в силу дефицита водных ресурсов, исключительное значение в городе.

Статут регламентировал права представительных органов управления — Малого совета, состоявшего из 6 членов, и Большого совета, состоявшего из 24 советников; они избирались из генуэзцев и местных жителей в соотношении 5:1, отражая доминирование латинян в управлении *universitas* цитадели. Решением Большого совета вводились или отменялись деветумы и запреты, устанавливались или аннулировались пошлины, объявлялись публичные займы, делались выплаты из городского бюджета и т.п.

В статуте фиксировались также обязанности двух клavigеров, хранивших ключи от общественной казны; они должны были взвешивать деньги, принимая кассу и новые поступления; должны были вести счетные книги прихода и расхода, составлявшиеся по правилам итальянской двойной бухгалтерии.

Статут обозначал круг обязанностей двух министров, сопоставимых с арабским мухтасибом; они должны были контролировать соблюдение правил торговли на рынках и обеспечивать общественный порядок на городских площадях и улицах. Надзор за законностью их действий осуществляли синдики, иногда называвшиеся суперминистрами. Особенностью законодательства Кафы 1316 г. было обозначение отдельной оффиции сансеров и переводчиков, формировавшейся из местных жителей, обладавших познаниями в торговых обычаях, товароведении и в трех самых распространенных языках региона — латинском, греческом и татарском.

Помимо этого, в статутных статьях назывались уже характеризовавшиеся консулы бургов, консулы иностранцев (*consules foritanorum*), среди которых различные источники позволяют установить консулов венецианской, пизанской, флорентийской купеческих общин в Кафе, а также глав рагузанского, трапезундского и иных сообществ⁴.

Ряд установлений 1316 г. имеют определенно реновационный смысл: в частности, *Certus Ordo de Caffa* фиксировал полномочия консула генуэзской общины на «восстановление» собственности коммуны не только в границах акрополя — цитадели, но и в пределах бургов, что находило основания в восходивших к античному полисному мышлению традициях и в романско-канонической доктрине *translatio dominiis*. Подобная реновация осязима в удвоенности важнейших магистратур, во взаимоотношениях цитадели и бургов, аналогичных дихотомической связи акрополь—хора, в уравнительном распределении общинных земель и др.

На протяжении XIV в. можно заметить усиление законодательной самостоятельности Кафы. Здесь достаточно обратиться к регламентациям от 10 апреля 1398 г. с добавлениями от 18 апреля⁵, провозгласившим Кафу главным административным центром всех генуэзских поселений и владений на Черном море и в «империи Газарии», как назывались Крым и Приазовье в итальянских документах той поры; собственно говоря, этот акт стал узаконением уже сложившейся практики, что очевидно по титулатуре кафинских консулов, зафиксированной в эпиграфике с 1383 г.⁶

Коммуна закрепила за собой право вести дипломатию, заключать договоры, нанимать солдат, определять величину гарнизонов как в самой Кафе, так и в подчиненных ей местах, назначать официалов во все зависимые города и крепости, предлагать кандидатуру епископа; коммуна могла осуществлять продажу должнос-

⁴ Еманов А.Г. Латиняне и нелатиняне в Кафе (XIII—XV вв.) // Из истории Византии и византиноведения. СПб., 1991. С. 107, сл.

⁵ Statuti della Liguria / A cura di G. Rossi // Atti della società Ligure di storia patria. Genova, 1878. Vol. 14.

⁶ Skrzinska E. Inscriptions latines des colonies génoises en Crimée // Atti della società Ligure di storia patria. Genova, 1928. Vol. 56. №8—10: «consul Cafe et ianuensium in toto imperio Gazarie».

тей, что сделало их доступными людям любого этнического происхождения и любой религиозной принадлежности, отличавшимся состоятельностью и патриотизмом; коммуна распоряжалась землями в городе, контадо и дистретто, определяла налоги для горожан и жителей подчиненных земель. Юридическим выражением этой расширившейся автономии Кафы и стало постановление сеньории и совета антианов Генуи 1398 г.⁷, которое вполне возможно воспринимать как очередной статут города. Оно было принято, как отмечалось в преамбуле, в ответ на обращение горожан *civitas* Кафы и в признание ее выдающихся заслуг, в чем вновь нельзя не заметить иницилирующую роль на этом этапе легисляции местного населения.

Другой тенденцией было формирование некоего универсального права, вобравшего в себя как привнесенные генуэзцами латинские правовые системы⁸, так и местные правовые традиции. С 80-х гг. XIV в. была признана равная правомочность греков, армян, татар и евреев; стали считаться действительными их клятвы и присяги согласно их собственным обычаям⁹. Судебные инстанции города признавали нормы неписаного обычного права местных народов, могли ими пользоваться, вынося решения по «своему усмотрению». Эти принципы правосудия отвечали представлениям о «справедливости», укорененным в моральном сознании местного населения; они восходили к греческой практике гелиэи, римской традиции формулярного процесса и восточному идеалу *иджтихада*.

Важнейшим институтом рассматриваемого универсального права стал суд присяжных, избиравшийся из горожан, не обязательно обладавших юридической квалификацией, но просто образованных, добропорядочных и пользовавшихся общим уважением. Судебный процесс был публичным и состязательным. Примечательной чертой городского судопроизводства конца XIV — начала XV вв. было установление права выбора судящейся стороной того языка, который был понятнее, для чего вводились должности переводчиков с греческого и татарского языков, а также писцов курии греческого и арабского письма. Городские власти признавали законной деятельность не только генуэзских нотариусов, но и греческих табеллионов, и составленные последними документы признавались в курии Кафы имевшими равную юридическую силу наряду с латинскими. Установилось правило объявлять о всех важнейших законодательных актах коммуны на латинском, греческом и татарском языках на Главной площади города и в других местах, где «по обычаю» собирался народ.

С еще большей определенностью можно говорить о причастности городского населения к формулированию норм статута 1449 г.¹⁰, обсуждавшегося в собраниях и советах коммуны, вобравшего в себя замечания и поправки от разных групп населения. Главой города оставался консул, имевший заместителя — *викария*. Ему запрещалось участвовать в предпринимательстве, налогообложении, откупах; он не мог получать деньги за удостоверение своей печатью каких-либо документов. Считалось тяжким преступлением принятие даров от частных лиц, подарки же от государей считались достоянием коммуны. Все

⁷ Statuti della Liguria.

⁸ Лучшими работами современной российской историографии в области изучения итальянского правового влияния в Причерноморье являются: *Карпов С.П.* Иск брата Георгия: неизвестные документы генуэзской судебной курии в Трапезунде // *Византийский временник*. М., 1992. Т. 53. С. 171–176; *Барабанов О.Н.* Бартоломео Боско — генуэзский юрист XIV–XV вв.: Теория и практика гражданского судебного процесса. СПб., 2002.

⁹ *Musso G.G.* Gli orientali nei notai genovesi di Caffa // *Archivi e cultura. Rassegna dell'Associazione archivistica*. Roma, 1973. №7. P. 97–110; *Airaldi G.* Etnie e strati sociali negli insediamenti medievali italiani del Mar Nero // *Byzantinobulgarica*. Sofia, 1981. Vol. 7. P. 247–251.

¹⁰ *Statutum Caphae* / A cura di A. Vigna // *Atti della società Ligure di storia patria*. Genova. 1879. Vol. 7. P. 2. P. 567–680; Устав для генуэзских колоний в Черном море, изданный в Генуе в 1449 г. / Пер., вступ. ст., примеч. В.Н. Юргевича // *Записки Одесского общества истории и древностей*. Одесса, 1863. Т. 5. С. 629–857.

важнейшие решения консул принимал совместно с Советом старейшин, или антианов, состоявшим из восьми членов.

В финансовой сфере права консула ограничивались двумя массариями, сменившими прежних клавигеров; собственно здесь и нужно говорить об узаконивании практики, сложившейся более полувека назад: кафинские массарии фигурируют в официальных, лапидарных мемориях с 1383 г.¹¹ В их ведении находились казна коммуны и печать, без которой не был действительным ни один финансовый документ; они были обязаны ежемесячно проверять счетные книги казначейства, получившие название по их должности — массарии.

В сфере судопроизводства консул разделял свои полномочия с коллегией генеральных синдиков из четырех судей, действовавшей по принципу суда присяжных. Этот институт был причастен ко всем публичным актам коммуны. Через него осуществлялась аттестация лиц, допускавшихся к избранию, наделявшихся избирательными правами и вступавших в должность чиновников, что сопоставимо с греческой докимасией. Синдики контролировали соблюдение законности в процедуре выборов, обеспечивая равное представительство нобилей и пополанов, *cives* и *burgenses* в представительных органах власти. Они принимали присягу у всех вступавших в должность официалов. Они участвовали в законодательном процессе, осуществляя экспертизу всех принимавшихся решений на соответствие закону. Они скрепляли своей подписью внешнеполитические акты, удостоверяя их непротиворечивость конституционным нормам. На синдиках лежала также обязанность прокурорского надзора за соблюдением правозаконности в деятельности органов управления. Выступая защитниками интересов коммуны, синдики, по установившемуся обычаю, инспектировали законность ценообразования на продовольствие: еженедельно они объявляли цены на мясо и хлеб в соответствии с наличествовавшими в городе запасами. Помимо генеральных синдиков избирались четыре синдика для ревизии деятельности консула и других должностных лиц города по окончании срока их полномочий. Для проверки деятельности официалов в зависимых от Кафы местах избирались аудиторы.

Следующим по значимости коллегиальным органом коммуны считалась монетная оффиция из четырех человек. Она проводила ревизию книг массариев, ведала печатью монетного ведомства. Этот же орган контролировал правильность сбора налогов в городе и кампанье, принимая и рассматривая жалобы о нарушениях в налогообложении.

Особыми полномочиями обладала попечительская оффиция, ведавшая фортификационными сооружениями, строительством публичных зданий, дорог, мостов, водосборных цистерн. Ведомство располагало отдельным финансовым фондом, сформировавшимся из налогов с земли, крепостных сборов и пошлин с окладов должностных лиц в подчиненных Кафе крепостях. Названное ведомство контролировало исполнение своеобразной повинности, возникшей из местного обычая, в виде доставки одной барки камней с каждого патрона навь.

В области коммерческого, таможенного и морского права ведущее место занимала торговая оффиция. Компетенция этого ведомства регламентировалась особыми «правилами торговли Газарии». Последней из регулярных органов управления называлась продовольственная оффиция, полномочная издавать декреты и другие нормативные акты. Главной обязанностью данного ведомства было обеспечение города продовольствием, прежде всего хлебом. Помимо этого, коммуна могла учреждать иррегулярные комитеты и комиссии. Все отмеченные коллегии избирались наполовину из генуэзцев и местных жителей, отражая выровнявшееся соотношение сил с утверждением коммуны. Неизбираемыми являлись должности министрация, осуществлявшего надзор за рынками, кавалерия, возглавлявшего го-

¹¹ *Skrzinska E.* *Inscriptiones latines des colonies génoises en Crimée.* Loc. cit. №8.

родскую полицию, капитана оргузиев, командовавшего конной стражей, капитана бургов, ворот, крепостных стен; все они определялись консулом. Консул же нанимал кустодов для охраны городских ворот, стипендиариев и социев для несения военной службы. Все коммунальные должности и службы, включая нотариев, писцов, секретарей и наемных воинов, подлежали регулярной смене, обычно через год. В этом правиле усматривается особое понимание власти, формировавшейся в известных пределах из негорожан, как наемной службы городу с временными полномочиями и под жестким контролем коммуны, что может находить объяснение в неисчезавшей византийской традиции приглашения правителя извне как некоего третьего судьи — *архидеттис*, незаинтересованно разбиравшего споры, и в итальянском обычае *podesta*. Управляющие, кроме избираемых коллегиальных органов, не обладали укорененностью в правах собственности в городе, в фамильных интересах и, закончив полномочия, обязаны были покинуть Кафу; их деятельность подлежала двойной ревизии. Примечательным показателем ответственности управляющих перед коммуной выступала форма наказания викария, второго лица в городе после консула, за административные правонарушения — публичное телесное наказание плетью. Об ответственности за взяточничество напоминали орудия пытки, выставленные во дворе коммуны.

Другим аргументом в пользу тезиса о коммунальном устройстве Кафы может служить собственная система городского гражданства, каковой не обладало ни одно поселение генуэзцев в «Заморье»¹². Высший уровень гражданства составляли *cives*, обладавшие знатностью, феодальными привилегиями, включая право на герб, звание нобиля, налоговые иммунитеты и льготы в использовании коммунальной собственности. Возвышение *cives* обуславливалось заслугами перед коммуной при исполнении обязанностей в высших коллегиальных органах управления Кафы. Подобный статус стал распространяться как на генуэзцев, так и на левантийцев с конца XIV в., что выступает одним из критериев завершенности процесса конституирования коммуны.

Средний уровень образовывали *burgenses*, которые, как и *cives*, обладали недвижимостью в городе, имели право участия в управлении, занимая обычно половину мест в официциях и советах коммуны, пользовались привилегиями, которых Кафа достигла по соглашениям с правителями Черноморского региона.

Нижний уровень составляли *habitatores*, обладавшие недвижимостью или проживавшие один год в пределах городской черты, платившие налоги, пользовавшиеся привилегиями на занятия ремеслами и торговлей в пределах распространения городской юрисдикции, однако не имевшие права избираться на должности. К числу *burgenses* и *habitatores* также могли относиться как генуэзцы, так и левантийцы. Помимо этого, горожане могли приобретать личный статус «приравненного к генуэзцам» (*pro ianuensibus*), дававший дополнительные преимущества в пользовании теми привилегиями, которых Генуя по особым договорам добилась в Романии и Газарии. Тот или иной статус и его возвышение определялись коммуной.

Summary

The Article of Professor Emanov deals with the Phenomenon of the urbanistic Right in medieval Caffi, that amalgamated the Latin, Greek, Pontian, Turkish, Arabic, Moslem, Jewish and Caucasian tradition.

¹² Исследования по отдельным категориям городского гражданства Кафы см.: Барabanov O.H. Новые материалы о статусе *burgenses* генуэзской Кафы // Причерноморье в средние века. М.: СПб., 1998. Вып. 3. С. 117–125; Еманов А.Г. Институт городского гражданства (на примере *cives* Кафы конца XIV — XV вв.) // Вестник ТюмГУ. Тюмень, 1998. №1. С. 113–117; Он же. Статус *burgenses* в Кафе XIII–XV вв. // Средневековый город. Саратов, 1998. Вып. 12. С. 69–78; Он же. *Habitatores* в структуре населения Кафы (XIII–XV вв.) // Проблемы социальной истории и культуры средних веков и раннего нового времени. СПб., 2000. Вып. 2. С. 101–108.